

О. В. Мальцева*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия**Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**olymals@gmail.com***ТАЕЖНАЯ И ВОДНАЯ СТИХИИ В САКРАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ
И СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ РЫБОЛОВОВ АМУРА***

Изучение культурного взаимовлияния в районе Нижнего Приамурья является одним из главных направлений историко-этнографических исследований на юге Дальнего Востока. Естественно-географический фактор, связанный с расположением русла Амура в зоне смещения природных комплексов «юга» и «севера», в акватории Тихого океана и в периферии восточносибирской тайги, определил культурную и хозяйственную специфику местного населения. С миграцией к Тихоокеанскому побережью по левым притокам большой реки сибирских охотников и оленеводов уклад рыболовов Амура пополнился «таежными» элементами. Богатая ихтиофауна, ежегодный нерестовый заход из Охотского моря многочисленных стад лосося вносили стабильность и увеличивали шансы на выживание переселившихся народов. В пределах Нижнеамурской низменности и равнины отмечена вариативность в использовании природных ресурсов, что определило различия в хозяйстве, быту, сакральных практиках у разных групп населения. Их можно разделить на общности непосредственно долины большой реки и мелких притоков, находящихся в таежной зоне. На боковых реках уменьшение популяции лососевых, повышение значимости добычи зверя сближает обитателей периферии Амура с народами восточносибирской тайги. В районе основного русла рыбный промысел имеет первостепенное значение. На этом участке сохранившаяся традиция изготовления одежды из рыбьей кожи, сакральная топонимика, связанная с водным пространством, делает его одним из очагов культуры ихтиофагов. Археологические и лингвистические исследования подтверждают древность традиций, а также указывают на неоднозначный характер культурного взаимодействия, из которого становится ясно, что создателями рыболовецкого комплекса были не только палеоазиаты, но и тунгусские племена из Сибири. В частности, разделение на «таежную» и «водную» сферы влияния у рыбаков Амура выразилось в сакральной топографии, ритуально-обрядовой практике, зонировании жилого пространства, организации хозяйственной деятельности. К примеру, заимствованный от таежников образ медведя стал играть роль покровителя таежного и водного пространств. В социальной структуре влияние «таежных» или рыболовецких традиций наглядно проявилось в разделении труда по социально-половым признакам, оформлении системы родства. Хозяйственно-культурные связи с Сибирью, культурная экспансия с юга, из Китая, способствовали модификации картины мира рыболовов Амура с выстраиванием сложных иерархических структур в ней.

Ключевые слова: Нижний Амур, население, взаимовлияния, таежная и водная стихии, рыболовецкий комплекс, сакральная сфера, пространство.

Определение характера и степени культурного взаимовлияния в бассейне Амура является важным направлением исторических, археологических, лингвистических и,

в последнее время, генетических исследований в рамках решения проблемы возникновения и путей развития сообществ рыболовов и охотников на Дальнем Востоке.

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Несмотря на дискуссионность многих моментов из-за сложности археологических изысканий на участке низовий Амура, небольшого срока этнографических исследований, пробелов в архивных источниках (особенно по XVIII в., на который пришелся уход русских с Амура), на сегодня часть материала все-таки систематизирована и позволяет выделить некоторые закономерности в существовании тех или иных культурных явлений [Огородников, 1927; Кюннер, 1961; Васильевский и др., 1997].

Ученые-предшественники – Л. И. Шренк, Л. Я. Штернберг, С. М. Широкогоров, А. П. Окладников, А. В. Смоляк, посвятившие немало времени изучению уклада, бытовых особенностей, социальной структуры и системы мировоззрения ихтиофагов Амура, подчеркивали, что немалую роль в их специфике сыграла природная составляющая [Shirokogoroff, 1926; Шренк, 1883; 1899; 1903; Штернберг, 1933; Смоляк, 1983; Окладников, 2003]. Естественно-географические условия, в которых происходило формирование рыболовческого общества, характерны для всех районов с большими впадающими в океан реками и обладающими разнообразным природным составом. В этом уголке Дальнего Востока смешение комплексов растительного и животного мира «юга» и «севера», связь бассейна Амура с тихоокеанскими водами и формирование его речной системы в горно-таяжной местности Сибири сделали прилегающую к реке территорию культурным перекрестком, на котором происходило слияние элементов культур Сибири и побережья Тихого океана, а также переплетались судьбы представителей сибирского тунгусского и амурского палеоазиатского сообществ [Окладников, 2003; Смоляк, 1980; Shirokogoroff, 1926]. В образующемся конгломерате нивелировались традиции, взгляды групп населения с различными стратегиями освоения пространства с перенесением на новую почву образов тайги или приспособлением к изменившимся реалиям мира водной среды.

В данной статье внимание акцентировано на кросскультурных связях в долине Амура и находится в русле исследований взаимодействия групп населения разных географических районов на территории «природного пограничья». Анализ контактов и характера заимствований в районе Нижнего Приамурья позволяет вывести на новый уровень

понимание хозяйственных, культурных и социальных процессов на участке, где условная природная граница оформлена не сменой одной ландшафтной зоны другой, а изменением состава природного разнообразия по направлению с севера на юг и в сторону океанического побережья. Подобный ракурс рассмотрения проблемы дает намного больше шансов для изучения некоторых моментов истории далекого прошлого Приамурья и Приморья, а также спрогнозировать будущее сообщества коренных народов Амура, для которых принадлежность к реке до сих пор является выражением их идентичности.

Исходя из параметров выведенной проблемы целью данной работы является воссоздание на примере нанайцев конфигурации общества рыболовов Амура в динамике с учетом специфик давно адаптированных в нем практик сибирских таяжных народов и глубокой интеграции в хозяйственно-культурную зону Тихоокеанского побережья. В рамках темы решаются следующие задачи: оценивается влияние природного фактора на уклад и мировоззрение амурских речников; через призму восприятия окружающей среды раскрываются детали обустройства жилого пространства, формирования картины мира с выделением в ней двух жизненно важных сфер – тайги и воды; воссоздание динамичной модели жизнедеятельности традиционного общества «амурской периферии» в контексте изучения хозяйственно-бытовой, культурной деятельности и социальной структуры амурских нанайцев.

Трансграничное положение Приамурья – между Восточной Сибирью и Тихоокеанским побережьем, где хозяйственно-культурные комплексы связаны с ресурсами леса и водного пространства, обусловило ряд специфических черт в бытовой и мировоззренческой сфере амурских народов уже с глубокой древности. В их культурном содержании можно выделить аутентичный пласт, создателем которого является древнее население, а также компоненты, привнесенные переселенцами из других географических зон и прошедшие длительный путь адаптации к местным условиям.

В бассейне Амура по археологическим и этнографическим данным достаточно хорошо прослеживается рыболовческий комплекс традиций, что объясняется богатой местной

ихтиофауной. Амур насчитывает 118 видов рыб, тогда как в Оби обитают – 50 видов, Енисее – 47, Лене – 37 [Борисов, 1928; Варпаховский, 2003; Вышегородцев, 2000; Новомодный и др., 2004]. Ежегодная нерестовая миграция тихоокеанского лосося по руслу реки, близость моря с его обширной кормовой базой, включающей различные виды рыб и земноводных, способствовали формированию рыболовецкого уклада и долговременных поселений на береговых террасах. Элемент, связанный с водной стихией, прочно закрепился в бытовой сфере и ритуально-обрядовой практике коренного населения непосредственно нижней части долины Амура – у нивхов, ульчей, нанайцев. Высокоспециализированный характер рыбного промысла подтверждается наличием разнообразных орудий лова, в использовании которых учитывались специфика видов рыб, сезоны промысла, характер водоемов. Добыча из реки составляла основу меню и в качестве сырья использовалась в пошиве непромокаемой одежды (ногoviц, обуви, халатов). Из переваренного пузыря осетровых делали клей, из крупных костей – иглы для шитья [Кочешков, 1995; История и культура нанайцев, 2003. С. 107–133; История и культура нивхов..., 2008. С. 60–65, 95–103; История и культура ульчей..., 1994. С. 55–64]. У нанайцев духи речного пространства отвечали за исход рыбной ловли, семейное и родовое благополучие. Их персонафикация в образах «Старика» и «Старухи», управляющих водными богатствами и помогающих в навигации, имеет сугубо местные корни. Ряд речных островов и скальных обнажений, небольших озер на участке Амура, вниз по течению от селения Сикачи-Алян до озера Эморон (в пределах Нанайского района) названы в честь этих легендарных персонажей – *Дело-Мама*, *Мапа-Мама*, *Хэвэн мапа сусуни*, *Дэхада мама*, *Мама-Хурэни* [Бельды, 2000. С. 81–85; Соболевская, 1996. С. 60–61]. На этом месте большая концентрация археологических памятников, таких как Джари, Сикачи-Алян, Малышево, Гася, Амур-2 [Деревянко, Медведев, 1993; Конопацкий, 1985; Медведев, 1986; Шевкомуд и др., 2002], с сохранившимися орудиями промысла, в числе которых блесна, грузила, рыболовные крючки, палицы для глушения крупной рыбы, указывает на один из центров традиций ихтиофагов на Амуре [Смоляк, 1980. С. 260–261].

Однако, по данным исследователей, на боковых притоках Амура в связи с уменьшением популяций лососевых падает значимость их добычи, заставляя местных жителей искать другой источник существования. Нахождение рядом тайги с обилием копытных и пушных животных позволяет переориентироваться на эту ресурсную базу. В далеком прошлом таежная среда оказала значительное влияние на уклад и восприятие окружающего мира поселенцев мелких рек бассейна Амура, этим определив их отличия от жителей большой реки. Находки на реке Тунгуска наживных и самоловных крючков для удочек, снастей, крючков-багров, блесен для летнего и зимнего лова рыбы, гарпунов, острог, наконечников стрел для стрельбы по рыбам, датируемые от IX до начала XX в., свидетельствуют о развитии рыболовства на малых водоемах, что сближает обитателей периферии Амура с народами восточносибирской тайги [Золотухин, 2013. С. 33–98]. Разветвленная речная система на протяжении многих веков исполняла роль дорог для пеших тунгусских охотников и оленеводов, по которым они мигрировали к Тихоокеанскому побережью. Водный транзит способствовал культурному сближению народов Сибирского региона и тихоокеанской зоны.

Интеграция двух форм жизнедеятельности выразилась в развитии комплексного хозяйства на базе охотничьего и рыболовецкого промысла, а также в размежевании пространства на таежную и водную сферы, что отчетливо проявилось в сакральной топографии. Ключевой фигурой в ней стал медведь, который подчиняется земному божеству *Кайласу* и олицетворяет дуальную природу, выступая представителем то водной, то таежной (земной) стихии [Переверзева, 2005. С. 106–107]. В шаманской культовой скульптуре нанайцев причастность медведя к таежному или водному миру выражается в материалах его изготовления и семантике фигур. Так, объемное изображение «Таежного медведя» делали из лиственницы, являвшейся коннотацией Мирового Древа в «Среднем, Земном мире». В деревянной скульптуре выделение подбородка прямым горизонтальным срезом передает смысл того, что «божество смотрит прямо, в лес» [Мальцева, 2010а]. Основой для изготовления «Водного медведя» служили затвердевший торф или пойменные деревья,

подчеркивавшие принадлежность к водной стихии. Выбор в качестве материала ивы, являвшейся дубликатом Мирового Древа «Подземного, Водного мира», связывает скульптуру с этой самой сферой. В деревянном изображении выемчатым срезом выделенный подбородок означает, что «медведь смотрит вниз, в воду» (кажется, что его голова опущена). Особое внимание следует обратить на комплект фигур, составляющих партию подчиненных *Муэ-Дуэнтэни*. Хотя они и передают стилизованный образ медведя, все выступают представителями морской и речной фауны [Мальцева, 2010б]. Эта многозначность и многофункциональность шаманского комплекса наглядно показывает нивелировку мировоззренческих установок народов Амура под воздействием тунгусской экспансии из Сибири. Представления о двухсоставной Вселенной в обрядовой форме воплотились в медвежьем празднике, в рамках которого у нивхов, ульчей и нанайцев заключались межродовые союзы. В традиции воспитания медвежонка в обществе людей, воспроизводившейся на протяжении многих поколений, с последующим его церемониальным убийством заложена идея о связи плотоядного хищника с миром предков людей. Он в качестве «таежного», «горного» человека уходит посланником от живых к умершим, по пути обрастая новой шерстью. В земной мир он возвращается в теле вновь взятого из леса медвежонка. В этом непрерывающемся цикле жизни и смерти медведь выступает одним из персонажей акта первотворения, воссозданного земными участниками. Устройство мифической Вселенной восстанавливается в финальной части церемонии «проводов медведя», когда все ее исполнители делятся на два лагеря – люди «воды» и «тайги». Состязания между ними в скорости поедания пищи, беге, меткости бросания снежков соотносятся с картиной потусторонней жизни, в которой медведь воскрешается в новом облике [Золотарев, 1939]. В данной обрядности содержится архаический пласт восприятия окружающего пространства с выделением в нем двух жизненно важных участков, соприкасающихся с территорией обитания человека.

Земная твердь и вода, давшие начало лесному покрову и водоемам, являлись стержнем хозяйственного уклада народов Амура. В границах тайги и реки размещались их

сакральный мир, а также ресурсная база, пользование которой определило динамику и структуру их жилого пространства.

Зимой, когда реки скованы льдом и затруднен вылов рыбы, вырастает значимость охоты; начиная с лета до глубокой осени, в сезон рунного хода кеты, большую роль играет рыболовство. Специфика потребления естественных запасов, привязанного к сезонным изменениям в природе и биологическому циклу рыб, диких животных, наложила печать и на характер поселений. Их особенность заключается в вариативности, т. е. в совмещении зимнего и летнего вариантов построек с сопутствующей каждому моделью жизнедеятельности. Переход на кочевой или стационарный образ жизни, указывающий на сильную зависимость от природных факторов, замечен в планировке поселений. Обустройство территории с возведением глинобитных утепленных жилых домов (с кановой системой отопления) и бревенчатых свайных амбаров для хранения припасов, домашней утвари и снастей являлось характерной чертой постоянного зимнего поселения [История и культура ульчей..., 1994. С. 53–54; Сем, 1973. С. 78–80]. Временные постройки в виде шалашей конусовидной, полусферической формы или с прямоугольным основанием чаще возникали в береговой зоне или на опушке леса во время летнего сбора дикоросов, зимней охоты; летней, осенней путины. Выбор строительного материала и конструкция жилищ соответствуют стандартам, принятым в Тихоокеанском и Сибирском регионах. Следование им на территории нижней части долины Амура можно объяснить результатом заимствования строительных технологий из соседних районов. Использование в ходе собирательства, охоты, речного рыболовства сооружения типа шалаша из сухих веток или коры деревьев указывает на влияние кочевых сообществ из Сибири, где подобные конструкции являются традиционными. Однако распространенные в тихоокеанской зоне свайные, бревенчатые постройки были характерны и для нижнеамурского района [Лопатин, 1922. С. 94–95]. За пространственным и хозяйственным разграничением стоит не только переплетение привнесенных и аутентичных традиций. При изучении лингвистического материала, в частности промысловой терминологии, А. В. Смоляк пришла к выводу, что в пределах Нижне-

амурской низменности и равнины взаимовлияние двух культур с тунгусскими (пришлыми) и палеоазиатскими (местными) корнями имеет более сложный характер, что можно рассматривать на примере рыболовства. Уже факт наличия в словаре тунгусоязычных народов 280 терминов, обозначающих орудия и приемы лова рыбы, тогда как у их соседей-палеоазиатов аналогичных терминов насчитывается около 50, свидетельствует о более успешной адаптации «таежников» в среде ихтиофагов. Причем $\frac{3}{4}$ слов рыболовецкого лексикона является тунгусскими по происхождению [Смоляк, 1980. С. 262–263]. Лингвистические данные являются одним из звеньев в реконструкции далекого прошлого Приамурья, раскрывая нюансы миграционных волн. Сибирские охотники и оленеводы, на протяжении нескольких тысячелетий проникая в долину Амура по его левым притокам, смогли успешно адаптироваться к климатическим особенностям и природному разнообразию бассейна большой реки и даже стать создателями определенного набора аутентичных, соответствующих нижеамурским условиям, хозяйственно-культурных элементов.

Приверженность к хозяйственным практикам, разработанным в сибирской бореальной или тихоокеанской зоне, наглядно проявилась в социальной структуре нижеамурского общества, прежде всего влияние «таежных» традиций выразилось в практике изготовления берестяной легкой утвари, удобной для переноски; пошиве меховой верхней одежды и торбазов, предназначенных прежде всего для зимней охоты. Эти трудовые операции, как и связанные с выделкой рыбьей кожи, выполняли женщины; тогда как обработкой древесины, твердых материалов, созданием промыслового снаряжения занимались мужчины. Участие в двух видах деятельности, связанных с охотой и рыболовством, также регламентировалось в соответствии ролей, отведенных мужчинам и женщинам, в промысловом обществе. Весь набор действий, состоявший из подготовки орудий к промыслу, выслеживания зверя в тайге, его поимки, свежевания и разделки туши, производился только мужчинами и оставался табуированным для женщин. Добыча лосося строилась на основе кооперации всех членов общины, в которой превалировала женская работа — снятие с рыбы шкуры, обработка ее для по-

шива одежды, разделка лосося на части и подготовка юколы. Вплоть до начала XX в. на территории поселения выделялись сегменты, куда был разрешен или запрещен доступ мужчинам (или женщинам). Размещенные на этих участках постройки выполняли определенные хозяйственные функции, легшие в основу гендерных разграничений. К примеру, из всех категорий амбаров, где хранились охотничья амуниция, ценности, женщина могла войти только в «съестной» *сиаори такто(ни)* и «собачий». В первом ей разрешалось подходить к одной половине большого стола *бэсэрэ*, где лежали продукты. Размещенными на противоположной стороне рыболовными снастями распоряжались только мужчины. Однако для представителей мужского пола был закрыт вход в «собачий» амбар *инда тактони*, в котором хранились предметы сугубо женских трудовых операций — юкола для собак и собачья упряжь, домашняя утварь и кустарные изделия [Сем, 1973. С. 70–75]. В Нижнеамурском районе отмеченные следы социально-экономической автономии женщины (в частности, по наличию «женских» амбаров) имеет некие общие черты с другими участками Тихоокеанского региона (в регионе Юго-Восточной Азии), где эксплуатация морских ресурсов уходит в глубь истории. На этой части Тихоокеанского побережья голос женщины в правах общины оказался немало значимым [Маретин, 1967. С. 149–166; Маретина, 1967. С. 38–44].

В. А. Туголуков на основе изучения института *доха* (оформление родового союза с взаимными обязательствами трудовой и правовой помощи) пришел к выводу, что у рыболовов Амура изначально существовала матрилинейная система родства. Тунгусское влияние в XVII в. проявилось в образовании отцовской родовой организации на базе принципов матрилинейности [Туголуков, 1972]. Можно сделать вывод о том, что «таежные» и «речные» компоненты, представленные в бытовой, ритуальной сфере и земной топографии, отражены и в гендерной конструкции нижеамурского сообщества. Выделение областей в «береговой зоне» с ограниченным влиянием мужчин указывает на первичное социально-трудовое и половое разделение в долине Амура, в котором женщина являлась не только хранительницей домашнего очага, ответственной за воспитание детей, но и покровительницей реч-

ных богатств в виде «Старухи» *Омиа-Мама*. В ритуально-обрядовой практике акты кормления воды чаще устраивались женщинами, в картине мира подчиненные Водного медведя имеют женскую природу.

Но с течением времени у коренного населения Нижнего Приамурья комплекс представлений о водной стихии претерпел изменения под натиском культурной экспансии с юга. В амурское мифопоэтическое пространство из Северо-Восточного Китая проник образ дракона, занявший нишу покровителей земной сферы и реки Амур – *Кайласу* и *Пуймур*. На спинке халата из рыбьей кожи *амири* парное изображение мифологического персонажа *Пуймура* в виде огромных змей с изгибающимися телами подтверждает его статус водного божества. Трансформация системы мировоззрения с выстраиванием сложного комплекса, в котором духовные сущности реки и моря взаимодействуют друг с другом по принципу соподчиненности, служат дополнительными штрихами к завершению и упорядочиванию картины мира, обретшей вторую жизнь в рамках шаманских традиций. В каркасе мифической Вселенной постоянное обновление ряда объектов, субъектов и структур, касающихся водной сферы, свидетельствует о живой, практической связи народов Амура с речным, озерным и морским ландшафтами, остающимися неизменными и в то же время изменяющими свои контуры под воздействием человеческого и природного факторов.

В опосредовании окружающего пространства народами Нижнего Приамурья представлен сплав изначального (субстратного) и видоизмененных под влиянием времени пластов традиций. В ритуальных действиях, связанных с проводом медведя в *бун*, в сакральной топографии аккумулирована горизонтальная структура Вселенной с разделением мира на две сферы – «воды» и «тайги», что типично для всех сообществ, у которых природное окружение выполняет прежде всего хозяйственную функцию. В условиях Нижнего Приамурья заметно, что местные экономики, выстроенные на использовании таяжных и речных ресурсов, не всегда были эндемичны. Приток нового населения из Восточной Сибири, культурные связи с Юго-Восточной Азией способствовали обновлению хозяйственного профиля и разбавлению привнесенными элементами

социально-бытовой сферы, что проявлялось в одежде, типах построек, организации пространства и регламентации видов деятельности между полами. В сакральном мироустройстве первоначальные элементы «воды» и «тайги» сыграли роль фундамента в образовании сфер, населенных духовными сущностями, между которыми установились иерархические отношения, что, в свою очередь, выступает индикатором усложнения социальной жизни и отражением исторических изменений. На протяжении XX в. у нанайцев устойчивыми образами в многоуровневой Вселенной стали медведь и дракон, олицетворяющие ипостаси воды и тайги. Между этими фигурами расположен сонм существ, происхождением связанных с амурской архаикой. Изучение состава и алгоритма функционирования профанного и сакрального пространств рыболовов Амура дает дополнительные аргументы для реконструкции событий далекого прошлого Приамурья в контексте проблемы освоения человеком Тихоокеанского побережья в древности.

Список литературы

Бельды Р. А. Памятные места и этнокультурные памятники нанайцев // Зап. Гродековского музея. Хабаровск, 2000. Вып. 1. С. 76–91.

Борисов П. Г. Рыбы реки Лены // Тр. комиссии по изучению Якутской автономной Советской социалистической республики. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. 9. 183 с.

Варнаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби. Тюмень: Мандрика, 2003. Ч. 1: Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла. 265 с.

Васильевский Р. С., Крупяно А. А., Табарев А. В. Генезис неолита на юге Дальнего Востока России. Каменная индустрия и проблема ранней оседлости. Владивосток, 1997. 160 с.

Вышегородцев А. А. Рыбы Енисея. Новосибирск: Наука, 2000. 188 с.

Деревянко А. П., Медведев В. Е. Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. 109 с.

Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 205 с.

Золотухин С. Ф. Древнее рыболовство в районе Хабаровска. Хабаровск: Ковчег, 2013. 128 с.

История и культура нанайцев. СПб.: Наука, 2003. 328 с.

История и культура нивхов: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2008. 270 с.

История и культура ульчей в XVII–XX вв. СПб.: Наука, 1994. 178 с.

Конопацкий А. К. Обследование на Нижнем Амуре памятников неолита // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 209–210.

Кочешков Н. В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина. СПб.: Наука, 1995. 152 с.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 1961. 391 с.

Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922. 371 с.

Медведев В. Е. Городища Приамурья // Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1986. С. 192–193.

Мальцева О. В. Образ медведя в культовой скульптуре нанайцев // Зап. Гродековского музея. Хабаровск, 2010а. Вып. 22. С. 13–19.

Мальцева О. В. Нанайская культовая скульптура из торфа // Зап. Гродековского музея. Хабаровск, 2010б. Вып. 22. С. 51–58.

Маретин Ю. В. Общественные отношения у батаков (Северная Суматра) // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967. С. 146–167.

Маретина С. А. Община у горных народов Ассама // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967. С. 7–48.

Новомодный Г. В., Золотухин С. Ф., Шаров П. О. Рыбы Амура: богатство и кризис. Аналитический обзор. Владивосток, 2004. 63 с.

Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре XVII в. Владивосток: Тип. Гос. Дальневост. ун-та, 1927. 94 с. (Тр. Гос. Дальневост. ун-та. Серия 3. № 4.)

Окладников А. П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 2003. 664 с.

Переверзева (Мальцева) О. В. Мифопоэтическое пространство нанайцев долины реки Девятки в XIX–XX веках // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 97–111.

Сем Ю. А. Нанайцы: материальная культура. Владивосток: Изд-во АН СССР, 1973. 314 с.

Смоляк А. В. Соотношение аборигенного и тунгусского компонентов в хозяйстве народов Нижнего Амура // Народы и языки Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. С. 260–266.

Смоляк А. В. Этнические микрорайоны на Нижнем Амуре // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1983. С. 151–158.

Соболевская Н. И. Мифы и памятники культурного пространства среднеамурской равнины // Проблемы изучения и популяризации традиционной культуры коренных народов Дальнего Востока России. Хабаровск, 1996. С. 55–62.

Туголуков В. А. Институт «доха» у удгейцев и орочей // СЭ. 1972. № 3. С. 105–115.

Шевкомуд И. Я., Косицина С. Ф., Горшков М. В. Результаты археологических полевых исследований стоянки Амур-2 в Хабаровске // Зап. Гродековского краеведческого музея. Хабаровск, 2002. Вып. 3. С. 31–34.

Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1883. Т. 1: Частично географическая, историческая и антропологическая. 323 с.

Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб.: Изд-во АН, 1899. Т. 2: Этнографическая часть. 314 с.

Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб.: Изд-во АН, 1903. Т. 3: Этнографическая часть. 145 с.

Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.

Shirokogoroff S. M. Northern Tungus migrations in the Far East (Goldi and their ethnical affinities) // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1926. Vol. 57. P. 123–183.

O. V. Maltseva

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Institute of Archaeology and Ethnography of the SB of the RAS
17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

olymals@gmail.com

**TAIGA AND WATER ELEMENTS
IN AMUR FISHERMEN' RELIGIOUS PRACTICES
AND SOCIO-DOMESTIC SPHERE**

Purpose. The paper focuses on the cross-cultural communication in the Amur River valley where the river is a «natural borderland» between the north and the south, the Pacific basin and the taiga. We analyze the contacts and nature of cultural borrowings on the Lower Amur territory, which provides a new level of understanding economic, cultural and social processes on this territory with mixed contacts and traditions. The work describes the development of the Amur fishermen society through the example of the Nanaian. Their traditions include practices of the Siberian taiga peoples together with economic and cultural elements of the peoples from the Pacific coast. The main tasks of the study were to assess the influence of natural factors on the local way of life and worldview; to analyze and compare details of the living space and world picture typical of forest and water areas; to reconstruct the dynamic model of the «Amur periphery» traditional society.

Results. Cultural interactions in the Lower Amur region have been intensively studied in terms of history and ethnography due to their complexity and importance for the local societies. Natural features and the geographical factors of the studied area, located between the Pacific Ocean and the Siberian taiga, shape the local cultural and economic specificity. Migrating to the Pacific coast along the Amur left-hand tributaries, Siberian hunters and reindeer herders introduced «taiga» elements into the life of Amur fishermen. Rich fish fauna and annual salmon spawning migration from the Okhotsk Sea brought stability and increased the survival chances for the settlers. Within the Lower Amur lowlands and plains, natural diversity introduced differences into the Amur communities' economy, everyday life, and sacred practices. The communities can be divided into those occupying the large river valley and the small tributaries, and those located in the taiga zone. The inhabitants living in the Amur periphery are similar to the peoples of the East Siberian taiga due to hunting prevailing catching salmon because of the limited amount of fish. Fishery was very important along the river in its basin. This area makes the cultural centers of ichthyophagists due to the preserved traditions of making fish skin clothes and abundance of sacral place names related to water space.

Conclusion. Archaeological and linguistic research confirms the antiquity tradition and demonstrate the ambiguous character of cultural interactions, which makes it clear that creators of the fishing complex were not only Paleoasiatic, but also Tungus tribes from Siberia. In particular, the division into «taiga» and «water» spheres among Amur fishermen is reflected in sacred topography, ritual practices, zoning the residential area and economic activities. For example, the bear cult borrowed from taiga men became popular, and the bear protected both the taiga and water spaces. In the social structure, the impact of «taiga» or fishing tradition is clearly manifested in socio-gender division and the kinship system. The world view of the peoples living in the area studied modified due to economic and cultural ties with Siberia and cultural expansion from the South, especially from China. Among the main changes were the complex hierarchical structures introduced into the local society.

Keywords: Lower Amur, population, interference, taiga and water elements, fishing, sacred sphere, space.

References

- Bel'dy R. A. Pamyatnye mesta i etnokul'turnye pamiatniki nanaitsev [Memorials and cultural monuments of the Nanai]. *Zapiski Grodekovskogo muzeya* [Notes the Grodekov Museum]. Khabarovsk, KhRM Publ., 2000, iss. 1, p.76–91. (in Russ.)
- Borisov P. G. Ryby reki Leny [Fish of the Lena river]. *Trudy komissii po izucheniyu Yakutskoi avtonomnoi sovetskoi sotsialisticheskoi Respubliki* [Works Comission for the study Yakut Autonomous socialist Republic]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1928, vol. 9, 183 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Medvedev V. E. *Issledovanie poseleniya Gasya (predvaritel'nye rezul'taty, 1980 g.)* [Study of the settlement Gasya (preliminary results, 1980)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1993, 109 p. (in Russ.)
- Istoriya i kul'tura nanaitsev* [History and culture of the Nanai]. St.-Petersburg, Nauka, 2003, 328 p. (in Russ.)
- Istoriya i kul'tura nivkhov: istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of the Nivkh: hist.-ethnographical. essays]. St.-Petersburg, Nauka, 2008, 270 p. (in Russ.)
- Istoriya i kul'tura ul'chei v XVII–XX vv.* [History and culture of the Ulchi in the XVII–XX centuries]. St.-Petersburg, Nauka, 1994, 178 p. (in Russ.)
- Kocheshkov N. V. *Dekorativnoe iskusstvo narodov Nizhnego Amura i Sakhalina* [Decorative art of the Lower Amur and Sakhalin peoples]. St.-Petersburg, Nauka, 1995, 152 p. (in Russ.)
- Konopatskii A. K. Obsledovanie na Nizhnem Amure pamiatnikov neolita [Survey in the Lower Amur Neolithic]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda* [Archaeological discoveries in 1983]. Moscow, Nauka, 1985, p. 209–210. (in Russ.)
- Kyuner N. V. *Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese news about peoples of southern Siberia, Central Asia and Far East]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1961, 391 p. (in Russ.)
- Lopatin I. A. *Gol'dy amurskie, ussuriiskie i sungariiskie* [Amur, Ussuri and Sungari rivers' gold people]. Vladivostok, 1922, 371 p. (in Russ.)
- Mal'tseva O. V. Obraz medvedya v kul'tovoi skul'pture nanaitsev [Image of bear in the Nanai cult sculpture]. *Zapiski Grodekovskogo muzeya* [Notes the Grodekov Museum]. Khabarovsk, KhRM Publ., 2010, iss. 22, p. 13–19. (in Russ.)
- Mal'tseva O. V. Nanaiskaia kul'tovaya skul'ptura iz torfa [Nanai cult sculpture from peat]. *Zapiski Grodekovskogo muzeya* [Notes the Grodekov Museum]. Khabarovsk, KhRM Publ., 2010, iss. 22, p. 51–58. (in Russ.)
- Maretin Yu. V. Obshchestvennye otnosheniya u batakov (Severnaya Sumatra) [Public relations among the Batak people (North Sumatra)]. *Obshchina i sotsial'naya organizatsiya u narodov Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii* [Community and social organization among the East and South-East Asia peoples]. Leningrad, Nauka, 1967, p. 146–167. (in Russ.)
- Maretina S. A. Obshchina u gornykh narodov Assama [The community of the Assam mountain peoples]. *Obshchina i sotsial'naya organizatsiya u narodov Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii* [Community and social organization among the peoples of East and South-East Asia]. Leningrad, Nauka, 1967, p. 7–48. (in Russ.)
- Medvedev V. E. Gorodishcha Priamur'ya [Settlement of the Amur Region]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1984 goda* [Archaeological discoveries in 1984]. Moscow, Nauka, 1986, p. 192–193. (in Russ.)
- Novomodnyi G. V., Zolotukhin S. F., Sharov P. O. *Ryby Amura: bogatstvo i krizis. Analiticheskii obzor* [Amur fish: wealth and crisis. Analytical review]. Vladivostok, without Publ., 2004, 63 p. (in Russ.)
- Ogorodnikov V. I. Tuzemnoe i russkoe zemledelie na Amure XVII v. [Native and Russian agriculture in the Amur river 17th century]. *Trudy Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta* [Works of the Far Eastern State University]. Vladivostok, Tip. Far Eastern un-t Publ., 1927, seriya 3, no. 4, 94 p. (in Russ.)
- Okladnikov A. P. *Arkheologiya Severnoi, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [Archaeology Northern, Central and Eastern Asia]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 664 p. (in Russ.)
- Pereverzova O. V. (Mal'tseva) Mifopoeticheskoe prostranstvo nanaitsev doliny reki Devyatki v XIX–XX vekakh [The Mithic-Poetical Space of the Nanais of the Deviatka valley in the XIX–XX

centuries]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology, Anthropology of Eurasia], 2005, no. 1 (21), p. 97–111. (in Russ.)

Sem Yu. A. *Nanaitsy: Material'naya kul'tura* [Nanai. Material culture]. Vladivostok, AN SSSR Publ., 1973, 314 p. (in Russ.)

Shevkomud I. Ya., Kositsina S. F., Gorshkov M. V. Rezul'taty arkheologicheskikh polevykh issledovaniy stoianki Amur-2 v Khabarovske [The results of archaeological field surveys of the Amur-2 site in Khabarovsk]. *Zapiski Grodekovskogo kraevedcheskogo muzeia* [Notes the Grodekov Museum]. Khabarovsk, KhRM Publ., 2002, iss. 3, p. 31–34. (in Russ.)

Shirokogoroff S. M. Northern Tungus migrations in the Far East (Goldi and their ethnical affinities). *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society*, 1926, vol. 57, p. 123–183.

Shrenk L. I. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya (chasti geograficheskaya, istoricheskaya i antropologicheskaya)* [About foreigners in the Amur region (geographical, historical, and anthropological parts)]. St. Petersburg, IAS Publ., 1883, vol. 1, 323 p. (in Russ.)

Shrenk L. I. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya (etnograficheskaya chast')* [About foreigners in the Amur region (ethnographic part)]. St. Petersburg, IAS Publ., 1889, vol. 2, 314 p. (in Russ.)

Shrenk L. I. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya (etnograficheskaya chast')* [About foreigners in the Amur region (ethnographic part)]. St. Petersburg, IAS Publ., 1903, vol. 3, 145 p. (in Russ.)

Shternberg L. Ya. *Gilyaki, orochoi, gol'dy, negidal'tsy, ainy* [The Gilyak, Orochi, golds, Negidal, Ainu peoples]. Khabarovsk, Dal'giz Publ., 1933, 740 p. (in Russ.)

Smolyak A. V. Sootnoshenie aborigennogo i tungusskogo komponentov v khoziaistve narodov Nizhnego Amura [The ratio of aboriginal and Tungus components in the economy of the Lower Amur peoples]. *Narody i yazyki Sibiri* [Peoples and languages of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1980, p. 260–266. (in Russ.)

Smolyak A. V. Etnicheskie mikroraiony na Nizhnem Amure [Ethnic neighborhoods in the Lower Amur]. *Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii* [Areal research in linguistics and Ethnography]. Leningrad, Nauka, 1983, p. 151–158. (in Russ.)

Sobolevskaya N. I. Mify i pamyatniki kul'turnogo prostranstva sredneamurskoï ravniny [Myths and monuments of cultural space of the Middle Amur plains]. *Problemy izucheniya i populyarizatsii traditsionnoi kul'tury korennykh narodov Dal'nego Vostoka Rossii* [Study and popularization problems of traditional culture of the Russian Far East indigenous peoples]. Khabarovsk, KhRM im. N. I. Grodekova Publ., 1996, p. 55–62. (in Russ.)

Tugolukov V. A. Institut «dokha» u udegeitsev i orochei [Institute «Doha» among the Udege and Oroch peoples]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1972, no. 3, p. 105–115. (in Russ.)

Varpakhovskii N. A. *Rybolovstvo v basseine reki Obi. Ch. 1. Orudiya rybolovstva i produkty rybnogo promysla (rep. vospr. izd. 1898 g.)* [Fishing in the Ob river basin. Part 1. Fishing tools and fishery products (reprint publishers 1898)]. Tyumen', Mandrika Publ., 2003, 265 p. (in Russ.)

Vasil'evskii R. S., Krupyanko A. A., Tabarev A. V. *Genezis neolita na yuge Dal'nego Vostoka Rossii. Kamennaya industriya i problema rannei osedlosti* [Genesis of Neolithic in the Russian Far East South. Stone industry and the problem of early settlement]. Vladivostok, Far East un-t Publ., 1997, 160 p. (in Russ.)

Vyshegorodtsev A. A. *Ryby Eniseya* [Fish of the Yenisei river]. Novosibirsk, Nauka, 2000, 188 p. (in Russ.)

Zolotarev A. M. *Rodovoi stroi i religiya ul'chei* [Clan system and religion Ulchi]. Khabarovsk, Dal'giz, 1939, 205 p. (in Russ.)

Zolotukhin S. F. *Drevnee rybolovstvo v raione Khabarovska* [Ancient fisheries in the Khabarovsk area]. Khabarovsk, Kovcheg Publ., 2013, 128 p. (in Russ.)